

Сцена на свадебном пиру превратилась в фарс. Чжоу Сяолэ не хотел ставить Чжоу Юна в трудное положение, поэтому сделал несколько шагов вперёд и сказал:

— Второй брат Юн, раз уж пришёл, поешь и потом уходи.

Что до Ван Гуйчжэнь, гостей на пиру было много, и все они были близкими людьми; бояться, что она устроит скандал, не приходилось. В конце концов, это было всего лишь дело одного рта.

Чжоу Юн пристыженно сказал:

— Лэ-гэр, я правда пришёл только сказать доброе слово. Не отвлекайтесь от угощения.

Его рука всё ещё закрывала рот Ван Гуйчжэнь. Услышав, что он всё равно собирается уходить, Ван Гуйчжэнь в спешке укусила его. Чжоу Юн от боли отпустил.

Ван Гуйчжэнь закричала:

— Сам Лэ-гэр сказал поесть и потом уходить! Куда ты уходишь? Хочешь уходить - уходи сам, я не уйду! Кто не ест, тот дурак!

После этого она, чуть ли не катясь и ползя, бросилась к ближайшему стулу, ухватилась за него, поднялась и как ни в чём не бывало уселась. Одежда испачкалась пылью, и она заодно похлопала по ней рукой.

Эта цепочка движений ошеломила всех присутствующих. Но она совсем не чувствовала, что опозорилась. Даже улыбнулась Чжоу Сяолэ и сказала:

— Лэ-гэр, подавай блюда! Плохо ведь, если время упустим!

Староста как главный распорядитель свадьбы изначально тоже был здесь, только после завершения обряда он пошёл сменить церемониальную одежду, чтобы потом спокойно сесть за стол. В итоге он не ожидал, что едва вернётся, как первым же взглядом увидит такую сцену. Гнев из живота прямо ударил ему в макушку.

Он поднял посох и сердито сказал:

— Жена Дэжуна, на что это похоже? Хочешь есть на пиру - приходи прилично. Зачем ведёшь себя как уличная скандалистка и бесстыжая баба?

— Где это я бесстыжая скандалистка? Лэ-гэр только что сам сказал поесть и потом уходить, вот

я и делаю, как он сказал. Староста, вы не можете меня оговаривать! Лэ-гэр, ты ведь только что так сказал, верно? Пусть я уже не твоя старшая тётка, но всё равно остаюсь старшей. Ты ведь не можешь перед всеми обмануть меня!

— ...

Чжоу Сяолэ не хотел обращать на неё внимания и прямо подошёл к Чжоу Юну. У того был такой вид, будто он мечтает исчезнуть на месте.

Чжоу Сяолэ вздохнул, похлопал его и сказал:

— Ничего страшного. Добрые свадебные слова мы приняли. Неужели второй брат Юн не окажет нам честь и не поест на пиру?

Такую ступеньку для отступления Чжоу Юн не мог не принять. В душе он метался и жалел. Он ведь явно пришёл благословить Чжоу Сяолэ, а в итоге благословение вышло лёгким, почти невесомым, зато беду он принёс полную, на все 100%.

Он слегка кивнул два раза и вслед за Чжоу Сяолэ вошёл внутрь. Сев рядом со своей матерью, он даже нормально есть не мог, только смотрел на неё, боясь, что она снова начнёт шуметь.

Когда эта сторона немного улеглась, все стали переговариваться и звать друг друга, сглаживая неловкость. Вскоре обстановка наконец снова оживилась.

Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань вынесли все четыре кувшина вина, которые были частью свадебных даров. В деревне люди обычно пили грубое водяное вино: большую часть там составляла вода, на запах чуть-чуть тянуло вином, а на вкус почти не отличалось от простой воды. Хорошее вино купить было не по карману, но и вовсе без вина - тоже вроде как не годится. Поэтому обычно брали что-то ни винное ни водяное, лишь бы выпить ради атмосферы.

Но эти четыре кувшина из свадебных даров были другими: настоящее крепкое вино. Маленькая чарка попадала внутрь, и жар проходил от рта до самого живота. Такое вино большинство людей, скорее всего, пить не привыкло. Раз уж так, в это хорошее вино тоже добавили немало воды, чтобы остался лишь винный вкус.

Хорошее крепкое вино разбавлять водой - все равно, что портить, и это не будет преувеличением. Но пока всем радостно, каким бы хорошим ни было вино, всё равно оно всего лишь служит храму пяти внутренностей. Вино разбавили водой. Изначально планировали шесть столов, но потом пришло немало людей с семьями, и в итоге пришлось добавить ещё целых два стола. Однако даже на восемь столов в конце ушло только два кувшина. Оставшиеся два пусть хранятся, выпьют потом.

До этого свадебные поклоны заняли некоторое время, и несколько тёток и фуланов, которые

готовили еду, тоже столпились посмотреть веселье.

Только после завершения обряда начали разогревать холодные закуски и подавать их на стол, а главные блюда ещё требовалось дополнительно готовить. На кухне всё кипело, словно в жарком котле, а Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань сопровождали гостей, разговаривали с ними и поднимали чашки.

Одно за другим главные блюда тоже понесли на столы. На этом пиру одних блюд с мясом было целых шесть, а к ним ещё два овощных блюда, один суп и одно холодное блюдо - всего десять блюд! Из мясного, кроме купленной свинины и курятины, Сюй Гуань ещё специально ходил в горы и добыл кроликов и диких фазанов. Для всех присутствующих это был пир, где они ели больше всего мяса в жизни; детям даже могли отдельно дать куриное крылышко или ножку. Можно было представить, сколько кур купил Сюй Гуань и сколько дичи добыл.

Ван Гуйчжэнь неотрывно смотрела на блюда на столе. Стоило подать одно, как она тут же хватала лучший кусок себе в чашку, совершенно не обращая внимания, что за столом сидят и другие. Всё самое вкусное она непременно должна была съесть сама. Остальные за столом её не жаловали. Увидев, насколько она бесстыжа, они, едва подали следующее блюдо, проворно и быстро первыми разобрали вкусные куски, оставив только куриный остов, на котором почти не было мяса. Ван Гуйчжэнь не успела урвать и от злости едва не задохнулась, но не вспылила: боялась, что если снова устроит сцену, её выгонят. Она всё ещё помнила наставление Чжоу Дэжуна перед выходом.

Ради того, чтобы увидеть чанфэнь, ей тоже приходилось терпеть.

Пир только начался, как вошёл ещё один молодой человек. Он был в короткой одежде, на руках и ногах - защитные обмотки, в руках нёс два кувшина вина и двух кур, а из-за пазухи у него выглядывал угол большого красного конверта. Его уверенные, широкие движения напоминали человека, занимающегося боевыми искусствами. Поэтому, едва он вошёл, двор, который только успел снова оживиться, постепенно опять стих.

Чжоу Сяолэ никогда не видел этого человека и спросил:

— Кого вы ищете?

Молодой человек поставил вино и кур на стол рядом, сложил руки в приветствии и сказал:

— Я Чжао Шан, друг господина Сюя. На этот раз пришёл поздравить с радостным событием.

Раз это был друг Сюй Гуаня, его непременно следовало хорошо принять. Чжоу Сяолэ провёл его к главному столу, а потом велел позвать Сюй Гуаня. Увидев, что Сюй Гуань вышел, Чжао Шан тут же поднялся и снова поклонился:

— Господин Сюй, прошу простить. Меня задержало дело, я немного опоздал. — В его манере словно чувствовалась почтительность.

Сюй Гуань махнул рукой:

— Ничего страшного. Главное, что пришёл.

Дав Чжао Шану знак садиться, Сюй Гуань представил их друг другу:

— Это Чжоу Сяолэ, мой фулан. А это Чжао Шан, друг, которого я встретил по дороге, когда шёл с севера.

— Приветствую господина Чжао, — сказал Чжоу Сяолэ.

Чжао Шан, похоже, снова хотел подняться, и Чжоу Сяолэ поспешно остановил его:

— Здесь деревня, господину Чжао не нужно держаться стольких церемоний.

— Раз так, я тоже не стану скромничать. Ехал в спешке, приготовил лишь скромные подарки, прошу вас обоих не винить меня. Здесь желаю вам двоим большой радости в новом браке, согласия на сто лет и скорого рождения благородного сына!

В каждом слове и движении Чжао Шана соблюдались все правила вежливости, очень тщательно - совсем не так, как у деревенских, простых и близких в обращении. Он был учтив до некоторой отстранённости. Назывался другом Сюй Гуаня, но эта его почтительность совсем не походила на дружбу, где вместе пьют вино и весело разговаривают.

В сердце Чжоу Сяолэ возникли сомнения, но сейчас было не время расспрашивать. Он подавил вопросы и принял те два кувшина вина и двух кур. Вино было точь-в-точь таким же, как те четыре кувшина, что принёс Сюй Гуань; с первого взгляда было ясно, что они из одной и той же лавки. А куры были обычными домашними.

Эта маленькая вставка позволила всем узнать единственного друга Сюй Гуаня. По правилам, в день большой свадьбы родные и друзья должны собираться вместе, радостно и тепло. Но Сюй Гуань одиноко пришёл в деревню Цяньлю и поселился здесь, и никаких родных или близких друзей у него не было. Теперь, когда наконец пришёл один его друг, все невольно заинтересовались Чжао Шаном.

Видя, что Чжао Шан хорош собой, держится свободно и достойно, любопытные подошли расспросить его, сколько ему лет, сколько человек в семье, женат ли он. Чжао Шан никогда не сталкивался с такой сценой. Хотя он и растерялся, но больше всего привык следовать правилам: что у него спрашивали, на то он и отвечал.

В конце концов у него выпросили даже, сколько кур держат у него дома.

Сюй Гуань позволил всем расспрашивать и не стал выручать его. Он подумал: если даже Чжао Шан не может справиться с такой сценой, то он сам тем более не сможет.

Пока здесь шумели, со стороны кухни вдруг раздался резкий окрик. Кажется, это Чжоу Чуся сказал:

— Ты зачем вошла? Выйди!

Голос был не слишком громким, но место, где сидел Чжоу Сяолэ, находилось недалеко от кухни, и он как раз расслышал всё полностью. Он поднялся и пошёл к кухне, где столкнулся лицом к лицу с Ван Гуйчжэнь. Оказалось, Ван Гуйчжэнь воспользовалась тем, что Чжоу Юна позвал староста, и тайком пробралась на кухню. В это время на кухне был только Чжоу Чуся. Главные блюда, которые нужно было приготовить, уже были готовы, а последним основным блюдом должен был стать чанфэнь.

Чжоу Сяолэ был новобрачным фуланом, ему было неудобно идти на кухню, поэтому чанфэнь для этого пира на этот раз поручили готовить Чжоу Чуся. Чжоу Чуся, занятый делом, не заметил, как вошла Ван Гуйчжэнь. Услышав звук, он ещё решил, что это пришёл человек, который должен вынести чанфэнь.

Он уже приготовил несколько порций, но так и не услышал, чтобы пришедший собирался их унести. Обернувшись, он увидел, что у входа на кухню неожиданно стоит Ван Гуйчжэнь. Она вытягивала шею и изо всех сил заглядывала внутрь. Даже когда Чжоу Чуся заметил, что она подглядывает, она не ушла, а натянула улыбку и даже сделала два шага ближе, желая рассмотреть ещё яснее. Только тогда Чжоу Чуся крикнул ей выйти.

— Ай-ё, мне просто любопытно посмотреть. Ты готовь, готовь...

Она стояла на месте и явно всё ещё хотела продолжать смотреть. Но Чжоу Чуся больше не стал готовить и только смотрел на неё с таким видом, будто, пока она не уйдёт, он не сдвинется с места.

В принципе чанфэнь не был чем-то таким, на что нельзя смотреть. Главное, что влияло на вкус чанфэня, это рисовая масса и время приготовления на пару, а этим вещам не научишься, просто поглядев со стороны. Но даже если смотреть там было особенно не на что, Чжоу Сяолэ всё равно не хотел, чтобы Ван Гуйчжэнь слонялась по его территории. Он позволил ей остаться лишь потому, что не хотел ставить Чжоу Юна в неловкое положение. А в итоге Ван Гуйчжэнь не стала спокойно есть, а тайком пробралась на кухню.

Чжоу Сяолэ встал у входа, скрестив руки на груди, и сказал чуть холодным тоном:

— Раз госпожа Ван посмотрела, то уходите. На кухне много важных вещей. Если вдруг пропадёт какая-нибудь курица, свинья или ещё что-то, и возникнет ненужное недоразумение, будет нехорошо.

Как могла Ван Гуйчжэнь не понять, что в словах Чжоу Сяолэ её словно называют воровкой? Но она и правда пришла украсть мастерство, а потому из-за нечистой совести заговорила ещё громче:

— Очень мне нужны твои жалкие вещи! Я просто посмотрю и что, смогу прихватить у тебя целую свинью?

Видя, как она скандалит, Чжоу Сяолэ не захотел больше с ней препираться:

— Не нужны - так не стой здесь и не смотри! Выйди!

Этот голос прозвучал довольно громко, и люди, сидевшие неподалёку от кухни, услышали его и один за другим подошли посмотреть, что случилось.

Сюй Гуань подошёл и спросил:

— Лэ-гэр, что случилось?

— У некоторых людей появились мысли, которых быть не должно. Тайком пробрались на кухню, неизвестно чем там занимались.

Слова явно указывали на кого-то, и все тут же перевели взгляды на Ван Гуйчжэнь.

Ван Гуйчжэнь закричала:

— Я просто из любопытства вошла посмотреть! Уже и посмотреть нельзя?

Чжоу Чуся ответил:

— Разве это было похоже на «просто посмотреть»? Так долго стояла у меня за спиной и ни звука не издала!

В словах Чжоу Чуся был намёк, и все сразу вспомнили, что в последнее время Чжоу Сяолэ постоянно занимается чанфэнем; в городке эта еда уже была довольно известна. Особенно «набор чай и фэнь»: в эти дни, стоило кому-нибудь пойти в городок, как он непременно слышал об этом наборе. Семьи, которые приходили в городок погулять, едва задумывались о еде, сразу хотели попробовать «набор чай и фэнь».

Это дело было хорошо видно невооружённым глазом. Неужели Ван Гуйчжэнь сегодня пришла потому, что позавидовала торговле Чжоу Сяолэ и захотела тайком подсмотреть, как делают чанфэнь?

— Это... это я ведь только вошла, ещё не успела заговорить...

Ван Гуйчжэнь испугалась, что Чжоу Чуся случайно назвал её истинную цель, и её напор сразу ослаб. Она была одна, Чжоу Юна рядом не было, да даже будь он здесь, он бы её не поддержал. Перед таким количеством людей она уже не смела продолжать огрызаться.

— Мне всё равно, когда ты вошла. Сейчас же, немедленно выходи!

Стоило Чжоу Сяолэ рассердиться, как Ван Гуйчжэнь тоже немного струсила. В любом случае то, что нужно, она уже увидела; а что, если Чжоу Сяолэ в гневе не даст ей дальше есть на пиру? На столе ещё было много мяса, которого она не попробовала, нельзя же потерпеть убыток. Она скривила губы и стрелой выскочила наружу.

После того как Ван Гуйчжэнь вышла, остальные тоже разошлись. Чжоу Сяолэ обошёл кухню кругом, но ничего не заметил. Тогда он повернулся к Чжоу Чуся и спросил:

— Ся-гэр, после того как она вошла, она всё время стояла у дверей и смотрела, как ты готовишь чанфэнь?

<http://bllate.org/book/17639/1732983>